

ПОЛЬ ХАМТИО

***О* былоМ...**

МОСКВА 2006

ПОЛЬ ХАМТИО (Paul HAMTIAUX)

Фамилия: Хамтио

Имя: Поль

Дата рождения: 28.10.1921

Место рождения: Итциг

Место жительства: Мамер

Я 1921 года рождения. В июне 1942, как и многие мои товарищи, был призван немецкими оккупантами на государственную службу трудовой повинности. Мы расположились в Лирсберге, вблизи Вассербиллига. Это был первый раз в моей жизни, когда я попал в страну поэтов и мыслителей. В большинстве своем мы были из Люксембурга? а надзиратели службы трудовой повинности, который едва вышли из Гитлерюгенда, делали все возможное, чтобы привить нам немецкую дисциплину, порядок и прусское слепое повиновение. Впервые я надолго уехал из дома.

Однажды до нас в лагерь дошло ошеломляющее известие о том, что гаулейтер Симон ввел военную обязанность для нашего года рождения. Мы узнали о всеобщей забастовке, о подлом военно-полевом суде, о кровавых расправах. Настроение упало ниже нуля.

Наконец нас отпустили, так как срок закончился. Осенью немцы совершили преступление, которое никогда нельзя искупить, оно навсегда покончило с нашим поколением. Нас призвали в немецкий вермахт (вооруженные силы). Мы надели немецкую униформу. Получили привилегию умереть за народ, фюрера и отечество. Мы должны были воевать против людей, которые выступали за освобождение нашей родины. Кто скрывался, подвергал свою семью опасности. Чувство вины было так или иначе запрограммировано. Что касается соблюдения клятвы верности, которую нас принудили дать фюреру, то пастор Фриден из монастыря в Беттембурге торжественно от имени церкви освободил нас от нее.

Мне повезло и я не попал в пехоту, а поехал в противотанковый учебный пункт в Гамбург-Гарбург. В казарме «Доминик» нас учили уничтожать танки.

Это идиллическое существование было внезапно прервано в июле 1943 года британскими бомбардировками.

Из моего дневника

24 июля 1943 года в 0.30 я был в Гамбурге на Репербане, когда вдруг была объявлена воздушная тревога. Я должен был ехать еще на поезде в Гарбург. По дороге произошел воздушный налет. Железнодорожные вагоны танцевали на рельсах, тряслись так, как будто бы было землетрясение. Здания слева и справа от насыпи взрывались, возможно, сбрасывали воздушные мины.

Сначала будто молния пролетала по каменным стенам, затем раздавался оглушительный грохот. Вспыхивал огненный шар. Здание рушилось. Мы мчались мимо. В Ведделе машинист остановил поезд. Все в дикой панике побежали в туннель под полотном железной дороги. Пахнет страхом и ощущаешь страх так, как будто он похож на мистическое, вызывающее ужас божество. Только утром я целый и невредимый приехал в казарму «Доминик».

В последующие дни снова шли бомбежки и после каждого налета все солдаты близлежащих казарм привлекались для оказания помощи в Гамбурге.

26 июля 1943 года мы заметили, что город стал практически пустынным: Мекенбергштрассе, Алтерсдамм, Юнгфернстег, Элмсбюттел, Алтона, Репербан. Около городского пассажа лежало много мертвых на улице. Такое впечатление, что половина города разрушена. Авиация союзников атаковала с бреющего полета. Люди бродили растерянные, в сорочках, в наспех натянутых пальто. Многие бежали из города в гарбургский лес.

26 июля 1943 года мы снова приехали в Гамбург для оказания помощи. Везде все еще горело. Многие дома уже полностью выгорели, но были еще горячие, как печи. Фасады и каминные стояли как театральные кулисы. Всюду мусор на улицах. Команды по расчистке работали в руинах. Километровые руины и трупы. Трупы лошадей, собак и людей просто лежали посреди улиц, под галькой, друг на друге, перед входами в бомбоубежища. Тела с ожоговыми ранами, наполовину обуглившиеся, залитые красно-коричневой запекшейся кровью, прижатые давлением воздуха к стенам, задохнувшиеся от чудовищного жара.

Перед одним домом лежали восемь мертвых женщин. Дети, груднички, мужчины, женщины, молодые девушки, старики... Грузовики полны. Мы приходим в бункер и находим там 20, 80, 100 задохнувшихся, которые напрасно искали здесь защиту. Из обрушившихся подвалов мы спасаем людей, наполовину обгоревших, которые кричат, стонут, проклинают. Повсюду плачущие люди, которые убежали с парой вещей в леса вокруг города или которые бродят, разыскивая родных. Другие стонут, сидя на корточках рядом со своими мертвыми родными и смотрят на нас безумным взглядом. Вонь от пожаров и смерти. Сладковатый запах сгоревшего и уже разлагающегося мяса отравляет воздух.

Мы вытащили из воды одного мужчину и одну женщину живыми. Из 43 других, прыгнувших вместе с ними в воду, они были единственными, кто выжил. Остальные сгорели в воде, так как зажигательные бомбы, которые были на них сброшены, продолжали гореть и в воде. У мужчины обгорели ноги, у женщины были легкие ранения. Она спасла портфель и шерстяное одеяло. «Теперь я не совсем бедный», сказал он после своего спасения.

Перевязочные пункты были организованы под открытым небом и в палатках, где лежали тысячи раненых, стонали, кричали и ждали врачебную помощь. Многие умирали, прежде чем врач или санитар смогли о них позаботиться. Люди, которые хотели вылезти из горячих бункеров на улицу, были

обожжены или задохнулись от пламени пожара, которое бушевало на улицах. Всюду сознающие свое бессилие, разочарованные, жаждущие мести, плачущие, проклинаящие люди. Конец света.

Так как опасались большого налета на Гамбург, мы расположились 30 июля 1943 года вне казармы на природе в Хааке. Налета не было, и утром мы вернулись несколько промерзшие в казарму.

Эти интенсивные бомбежки Гамбурга прекратились 3 августа 1943 года, свыше 30 000 людей погибло.

Дни ужаса в Гамбурге были самым ужасным, что я пережил за всю войну. Никогда больше я не видел так много изувеченных, обожженных, изуродованных людей. Никогда больше я не видел такого количества раненых, никогда больше я не слышал так много криков боли, никогда больше я не был свидетелем такого разочарования, ярости и горя.

После окончания учебы я прибыл в сентябре 1943 года на Восточный фронт в район Невеля, недалеко от Витебска в Белоруссии.

Я могу еще вспомнить тот вечер, когда мы туда прибыли. Было уже темно, трассирующие пули постоянно освещали небо, тут и там взрывались гранаты. У меня было совершенно отвратительное предчувствие, какой-то призрачный, жуткий сценарий. «Отсюда ты не выйдешь живым», промелькнуло у меня в голове. Когда сигнальная ракета снова осветила всю местность, я увидел качающуюся фигуру, которая держалась за палку и опустошала мочевой пузырь. Как выяснилось, субъект был совершенно пьян. Парни в бункере были ненамного трезвее.

Так как наше подразделение находилось непосредственно не на линии фронта и применялось только при вражеских танковых атаках, и так как личный состав бункера большей частью состоял из молодых людей, в перерывах много пили. Мы окрестили бункер именем Барселона в честь шлягера, который был тогда очень популярен. Мы меняли все наши фронтовые пайки на спиртное.

Однажды ночью зимой кружился русский самолет на небольшой высоте над нашим бункером. Это была «швейная машинка», названная так из-за характерного стука мотора. Пилоты, как рассказали нам позже русские, каждый раз загружали пару ящиков с гранатами, которые они вручную разбрасывали на вражескую территорию. Чтобы обстрелять швейную машинку, мы установили пулемет. При установке я действовал так неповоротливо, что острием сошки повредил себе голову. Кожа на голове порвалась и сильно пошла кровь. Меня срочно транспортировали в дивизионный медицинский пункт. И тут снова повезло, я попал к врачу, который посчитал, что мне ранили голову выстрелом, он вынес вердикт – ранение головы, а если еще и контузия – вообще опасно. Он отправил меня назад в Германию. Так я прибыл в Бланкенбург в Гарце. Я носил повязку, которая выглядела как белый тюрбан и подчеркивала тяжесть ранения. Я делал все возможное, чтобы препятствовать заживлению раны и провел остаток зимы в этом прекрасном городке.

В начале 1944, перед отправлением в свою старую часть я получил короткий отпуск на родину. Радость была огромна, когда я снова увидел отца и мать в добром здравии.

Я съездил также в Бюрмеринген, чтобы навестить своего друга пастора Георга Хайнена. Он предложил мне, спрятать меня в доме пастора. Он сказал, что уже спрятал у себя двух моих одноклассников – Никелу Рауша и Марселя Марсона - обоих из Беттембурга. Я поблагодарил его за предложение и за доверие, но не хотел подвергать своих родителей опасности.

Когда вновь прибыл в свою старую часть, многие уже давно погибли.

Вскоре после этого мы были окружены русскими под Темери. Это был ад. Мы приготовили наши орудия, но потом увидели, что вокруг нас царит паника. Все бежали, пытаясь спасти свою жизнь. Все было брошено, только схвачены сухарные мешки. Мы наспех выстрелили из наших обеих пушек в воздух и поспешили как можно быстрее из этой «негостеприимной» местности. Такое чувство конца света можно себе представить, если только сам пережил его: рвутся гранаты, шипит в воздухе шрапнель как ядовитая змея, пулеметы стучат, пули трещат. Дома горят. В ста метрах прорвались русские танки, сопровождаемые русскими солдатами с криками «Ура». Смерть вездесуща. Раненые кричат, вопят, стонут, катаются по земле, оторванные конечности разбросаны по местности.

Это могло означать только одно: спасайся, кто может. В таком сражении ни одна из сторон не будет брать пленных.

Никто не будет обременять себя ими. Перебежать к противнику – это чистое самоубийство. Мы пробились, выбросили наши гранаты и запаслись съестным, которое нашли в разграбленных складах армии: там остались только мешки с сахаром. «Лучше, чем ничего», сказали мы сами себе. «голодать в любом случае не будем».

Каким-то чудом через несколько дней вновь вышли к остаткам нашей разбитой части. Все пушки были потеряны, и нас использовали у насыпи на станции Анна в Латвии в составе пехоты. С одной стороны насыпи располагались немцы, с другой, на расстоянии 50 метров русские. Это значило, что нельзя было в неподходящее время выглянуть из-за насыпи, так как русские были чертовски щедры на автоматные пули.

Там я встретил однажды вечером одного насильно мобилизованного из Лотарингии. Его выдавал акцент. Я сказал: «Ты из Лотарингии, я из Люксембурга. Как ты попал в это дерьмо?» Его фамилию я забыл. Солдаты звали друг друга обычно по именам. Его звали Йозеф. Он рассказал. К началу войны он как раз заканчивал службу во французской армии, но потом был сразу же откомандирован на фронт. Он был взят немцами в плен, попал в лагерь для военнопленных, но вскоре был отпущен и как новый немецкий соотечественник принудительно отправлен в вермахт.

Он рассказал мне, что намеревается сбежать. Я сказал, что тоже некоторое время назад решил это сделать, но из-за недавно произошедших боев благоразумно отказался.

Перед окружением в Темери в Латвии я договорился с двумя люксембургскими товарищами вместе перейти фронт. Но в последний момент оба отказались. Лол Босс, потому что разбил его очки, а без очков он почти ничего не видел, Леон Поулс, потому что в качестве мотоциклиста связи выполнял достаточно безопасную работу. Впрочем, оба еще до моего приезда уехали домой.

Но вернемся к Йозефу. Он сказал, что в паре километров от нас затишье на фронте и что там нет минных полей. Около полуночи мы стали пробираться отсюда. Было смешно осознавать, что немцы позади нас могут в любой момент выстрелить нам в спины как дезертирам, а перед нами русские, которые попытаются прикончить парочку проклятых фашистских оккупантов.

Внезапно из ночи вынырнула небольшая группа фигур. Руки вверх! Мы бросили наше оружие и закричали: Француз! Француз! Вот они уже около нас, молодые парни, и они ведут нас победно в свой командный пункт. Там нас разделили. Я никогда больше не видел Йозефа. Я надеюсь, что он целым и невредимым вернулся домой. Меня допросил политкомиссар, который очень хорошо говорил по-французски. Он был русским евреем, и в испанскую войну в составе интернациональных бригад боролся против Франко. Он знал, что есть такое Великое герцогство Люксембург, что у нас было всеобщая забастовка, вследствие чего многие жители Люксембурга были убиты или депортированы. Он сообщил мне, что люксембургское правительство в изгнании установило дипломатические отношения с Советским Союзом и что Рене Блюм в качестве посланника находится в Москве.

После этого он спросил меня, не хотел бы я поработать в политотделе на фронте в качестве диктора передач для немецких солдат. Я согласился и таким образом я попал к капитану Немкову, который впоследствии стал моим другом.

Политотдел 374 пехотной дивизии Первого Прибалтийского фронта в 1944 году: подполковник Струнин, начальник политотдела. Майор Павел Войлошников, который научил меня, как можно вымыться, имея только стакан воды емкостью 0,2 литра, капитан Усман Гайфуллин, татарин, который вместе в Гулиным учил меня азам настоящей русской брани. Капитан Айзебанд, начальник продовольственного снабжения, еврей, который рассказывал лучшие еврейские анекдоты, гвардеец Норин, наш техник, сибиряк Гулин, наш «заклинатель» лошадей, который умел необыкновенно хорошо общаться с лошадьми, раньше он был моряком, и между прочим, пил 60-градусную водку, как воду. Узу, молодой русский китайского происхождения, который в котле у станции Анна устоял со своим пулеметом против целой немецкой роты и за это был удостоен звания Героя Советского Союза, наш кучер Иван, добродушный, но угрюмый украинец, ему не повезло - уже после капитуляции Германии был так сильно ранен миной, которая взорвалась под копытом нашей лошади, что вскоре умер.

Это случилось на лесной дороге. Уже более дюжины повозок проехали этот участок, когда, по всей видимости, одна из наших лошадей задела подковой мину. При взрыве, которой был на расстоянии 30 метров от меня, мне невероятно повезло. В этот момент я наклонился, чтобы сорвать землянику на склоне вдоль дороги. Взрывная волна бросила меня на землю. Я не получил ни царапины. Повозку разорвало пополам, а лошадей отбросило к деревьям. Мы должны были их пристрелить.

Наша команда вещания состояла из командира, капитана Немкова, техника Норина, Гулина и Узу, которые прикрепляли громкоговоритель к деревьям и защищали нас своими автоматами в случае опасности, и меня - Павла Николаевича из Люксембурга, диктора передач.

Там я работал до капитуляции Германии.

Немцы не узнали, что я перешел к русским. Доказательство: письмо, которое командир роты написал моим родителям (см.стр.)

Я хочу на следующих страницах дать слово моему другу капитану Немкову. Это выдержки из его дневников.

19 августа 1944

16 августа в 14.00 началось наше наступление. Несколько дней назад мне передали более мощную громкоговорительную установку. Одновременно ко мне пришел немец из комитета Свободная Германия, а также антифашист из Люксембурга Поль Амито (Paul Hamtiaux), который должен был помогать мне организовывать и проводить пропагандистские акции. Цель: вражеские солдаты.

Все это пришлось кстати, так как мне уже давно нужна была помощь. Вместе с установкой мы поехали на фронт, чтобы провести там передачу, текст которой мы вчера подготовили. Прежде чем началось наступление наших войск, мы спрятали установку в лесу, вблизи наших передовых позиций. Чтобы немцы нас не заметили, разведчики затащили рупорные громкоговорители с длинными проводами вперед на нейтральную полосу. Все проходило планомерно. Перед артподготовкой мы в течение 30 минут передавали текст нашей передачи. Она была предназначена для немецких солдат, и шла от имени Красной Армии. Сначала говорил представитель Комитета Свободная Германия, потом я, и затем слово получил Поль.

Сначала все было тихо, но потом фрицы (прозвище, которое дали русские немцам) ответили пулеметными залпами и гранатами. Слева можно было слышать немецкий пулемет. Наши солдаты прозвали его из-за характерного пронзительного мычания ослом. Затем начался наш ураганный огонь. 30 минут направленной артподготовки по вражеским оборонительным позициям. Потом огонь был перенесен на тыловые позиции врага, и началось наступление. Громкоговорительная установка работала теперь для наших солдат. Она передавала указания, лозунги и музыку. С переднего края возвращались первые раненые. Они шли медленно к обозу, наспех перевязанные, измазанные кровью. Красные капли падали на землю.

Санитары несли тяжелораненых к санитарным машинам, на которых был нарисован красный крест. Я пошел к командному пункту батальона. Установку я отправил назад в политотдел (отдел пропаганды, руководимый политкомиссарами). Здесь слишком опасно для аппаратуры.

Пулеметные залпы. Вдали гремит огонь артиллерии. Враг стреляет гранатами. Точной информации с переднего края еще нет. Но уже известно, что наши солдаты продвигаются штурмом вперед. Фрицы переходят к обороне. Снова и снова. Все больше наших людей идет вперед. Но самые важные позиции еще не взяты. Контратаки отбиты. Второй батальон преодолел шоссе и занял лежащую за ним деревню. Однако два других полка потеряли силу удара.

Я решаю одного пленного послать назад к немцам, а именно с вполне определенной целью. Я хочу, чтобы он пришел туда живой и рассказал, что пленным у нас не расстреливают, и что мы обращаемся с ними человечно. Представитель Комитета Свободная Германия долго разговаривает с пленным, но фриц не согласен. При разговоре присутствуют командир полка и Польш.

Общими усилиями мы переубедили пленного вернуться к немцам. Мы идем вместе с фрицем к переднему краю. В окрестностях ничего не видно. Там и сям разрываются гранаты, гудят отдельные шальные пули. Днем здесь нельзя находиться. Снайперы просматривают местность и стреляют. Мы пересекли позиции, занятые сегодня нашими войсками. Вокруг холмистая местность, хорошо приспособленная для оборонительных укреплений. Запах разорванных трупов неприятно бьет в нос. Наши уже увезли своих погибших, но вокруг лежит еще много погибших немцев. Они долго сопротивлялись, но мы их наконец-то разбили и погнали к морю.

Мы пересекли шоссе, ради которого было пролито столько крови. Хутор Каули расположен непосредственно на фронте. Внизу, в подвале батальонная комендатура и штаб. Там лежит и спит много мужчин. Обычная картина после боя: пара кроватей, стол, на нем пустая бутылка. Декорации как во сне. Я доложил командиру разведгруппы, что мы хотим послать назад пленного. Я сказал, что немец наш агент. Все урегулировано. Мы жмем пленному руку и желаем ему всего хорошего на его трудном пути. Немец пойдет вперед один.

Уже глубокая ночь. Почти ничего не видно. Нам нелегко, но мы должны вернуться в политотдел. Там и сям влетают в небо сигнальные ракеты фрицев. При каждой вспышке нужно ложиться на землю. Вполне возможно, что снайперы и ночью осматривают территорию. Мимо нас свистят вражеские пули. Известно, что пуля, которую ты слышишь, предназначена не для тебя.

Уже не в первый раз, с тех пор как я на фронте, мне приходит в голову абсурдная мысль. Я считаю это красивым, когда ракета идет сквозь ночь по своей параболической траектории, окрашивает опустошенную боями местность меняющимися красками, медленно опускается и гаснет, прежде чем коснется земли. К следующей вслед за эти темноте глаза снова медленно

привыкают. Мы идем по дороге, где совсем недавно взрывались на минах грузовики и другие средства передвижения. Счастье, что здесь нет противопехотных мин, а по всей видимости только бронебойные. В любом случае опасно сходить с дороги.

Уже начинает светлеть. Нам не остается ничего другого, как вернуться в штаб батальона и связаться из их бункера с нашим отделом. В штабе я разбудил техника. Сам я не буду спать. Будем готовить с Полем новую передачу. Он работает самостоятельно и будет выступать во время передачи после меня. Едва мы пришли, зазвенел телефон. Сообщили, что отпущенный нами фриц вернулся в наши окопы и не в коем случае не хочет возвращаться к своим войскам. Мы должны непременно что-нибудь предпринять. До того места на фронте, где мы его оставили, довольно далеко. Что делать? Я быстро принимаю решение, беру телефон и прошу позвать немца к аппарату. И тогда я ему просто отдаю приказ вернуться к своим войскам. Телефонисты, которые сидят вокруг меня просто не верят своим ушам. Они слышат немецкую речь. Там говорит враг? Точно, там впереди на фронте с аппарата командира полка говорит фриц. Невероятная ситуация. Разговор закончился тем, что фриц вернулся к своим землякам. Настало время вернуться в дивизию. Уже светает, но спать мы не ложились.

В четверг я вернулся с Полем и двумя разведчиками в наш блиндаж. Вылазка прошла хорошо, поход на фронт возбуждает, но нельзя быть отчаянно смелым. Вокруг нас война и в воздухе свистят пули.

18 августа мы высыпались днем. 19 августа снова ночная смена. Поздно ночью я с двумя разведчиками, Полем Амито из Люксембурга и двумя немецкими пленными пошел к фронту. Я хотел снова послать двух немцев к своим войскам, но не на вчерашнем участке. Это предложил мне командир разведки дивизии.

Мы идем по уже знакомой нам дороге вперед. По дороге никого не встречаем. Пересекаем шоссе. Дальше я дороги не знаю. Знаю только, что мы должны идти налево. Решаю следовать свету сигнальных ракет, пока мы не дойдем до нашего передового поста. Ночь темная, но мы уже привыкли к ее темноте. В конце концов уже давно работаем по ночам. Перед нами второе шоссе. Мне постепенно становится беспокойно. Где мы? По моим расчетам здесь должны быть немцы. Вокруг нас относительно спокойно. Только пара сигнальных ракет поднимаются слева и справа в темноту. Там и сям звучат выстрелы.

Нужно идти назад, иначе есть опасность, что мы попадем в руки немцев. Замкнутой системы окопов здесь нет. Только отдельные опорные пункты, обычно на хуторах. Никого и ничего не видно ни слева, ни справа от шоссе. После того как мы прошли назад через первое шоссе, я стал снова узнавать местность. Мое беспокойство улеглось. Справа от дороги наткнулись на яблоню, усыпанную спелыми яблоками. Наблюдателю предстала бы сейчас картина, которая совершенно не вязалась с театром боевых действий. Русский капитан, два сибирских разведчика, житель Люксембурга и два

немца, унтер-офицер и солдат лезут на яблоню и трясут ветви. Поль смеется: «Ночной десерт».

Свои планы я не смог осуществить. Мы хорошо проинструктировали немцев, они уже тоже были готовы вернуться к своим товарищам, операция должна была происходить на предусмотренном участке, но там никого не было. Мы снова отделились от фронта, и снова не встретили ни одного солдата. Мы пели. В темноте звучали русские, немецкие, французские и английские песни. Вокруг нас шла война, но наши сердца были молоды. Я устал. Сделал свои записи. Все на сегодня. Аккумулятор сел. (Аккумулятор громкоговорительной установки служил также источником тока для освещения нашего блиндажа.)

2 сентября 1944

За все это время мы проделали много работы на фронте: допросы пленных, поиск мест, откуда бы мы могли вести передачи, ночные передачи, иногда отправка военнопленных к своим войскам. Враг постоянно отступает. Тяжело работать в этих условиях. Каждый день мы на новом месте. Хорошо только, что осенняя погода прекрасна. Наши войска с боями продвигались вперед от хутора к хутору. Союзники освободили Брюссель. И в Голландии они наступают. У Поля хорошее настроение. Он думает о своих родителях и знакомых. Скоро будет освобожден Люксембург.

Сегодня у нас был интересный допрос немецкого пленного. Он сразу из лазарета попал на фронт и должен был вместе со своими товарищами охранять мост. Свою месячную порцию шнапса, пол-литра, он взял с собой и выпил вместе с товарищами. Потом оставил пост. Совершенно пьяный по ошибке попал на нашу сторону к артиллеристам. Он говорил на таком тарабарском диалекте, что даже Поль только наполовину его понимал. Редко мы так смеялись, как при этом допросе.

Мы все дальше продвигаемся вперед. Число пленных растет день ото дня. У меня болит голова, потому что почти не сплю.

25 сентября 1944

Вчера волновались из-за Поля. Не сообщив, он улегся спать на обозную повозку. А мы должны были ехать на фронт. Еще хорошо, что я вовремя заметил его отсутствие. Мы искали его повсюду. Время поджимало. Наконец нашли его крепко спящим на повозке в сене. Я должен был задать ему головомойку. Он понял, что совершил ошибку. И был согласен, что заслужил наказание. Но зачем наказывать, слова действительней. Я так и так не смог бы решиться наказать его. Вчера он пародировал Гитлера перед всем личным составом политотдела. Грандиозный успех. Настоящий артист.

14 ноября 1944

Теперь мы относимся к Первой Ударной армии и по всей видимости скоро будем наступать на Ригу с тыла. Мы четыре раза делали передачи. Все получилось, только последняя передача мне особенно запомнилась. Это случилось ночью 11 ноября. В это время линия фронта нашей дивизии проходила по лежащим друг от друга на значительном расстоянии хуторам, которые образовывали систему опорных пунктов. Невозможно без транспорта перевозить громкоговорительную установку. Поэтому мы поехали на повозке. Я подхожу к хутору. Там находится командный пункт артиллерии. Я спускаюсь в подвал и удивляюсь. На столе горит лампа. Там стоят кружки, но никого нет. Все ушли. Странно, даже лампу никто не погасил. Значит, надо быть начеку, держать ухо востро. Нас было шесть человек: я, Узу, Поль, кучер Гулин и два вооруженных автоматами разведчика. Я буду очень осторожен при передаче.

Вечер восхитительно спокойный. Темно, хоть глаз выколи. Не видно даже серпа луны. Ставлю двух солдат на пост на улице и посылаю Узу и Гулина с громкоговорителями на нейтральную территорию. Они тянут провода вперед. У каждого есть автомат и ручные гранаты. Я отдаю Узу приказ находиться вблизи громкоговорителей на нейтральной территории. Там нет окопов.

Передача начинается: «Внимание, внимание, немецкие солдаты и офицеры!» Потом передаю микрофон Полю. Он работает самостоятельно и читает последние известия. Передача длится тридцать минут. Текст постоянно прерывается музыкальными вставками. Текст мы вместе составляли дома. Сообщения составлял Поль. У немцев нет ни малейшего движения. Граммофон заиграл, установка работает хорошо, голос Поля звучит ясно и громко, музыку далеко слышно. Вдруг раздается взрыв гранаты на нейтральной территории, где находится наш громкоговоритель. Я прерываю передачу. С пистолетом в руке выскакиваю из подвала. Что случилось? Вчетвером мы пристально смотрим в непроглядную тьму. Через пару минут приходят Узу и Гулин с громкоговорителями. Выяснилось, что оба хотели внушить страх немцам и швырнули гранату в их сторону. Предварительно они немного разогрелись из фляжки, которую взяли с собой. Оба получили пять суток ареста, потому что из-за них было прервана передача. Они заслужили более строгое наказание, но я не стал передавать это дело в военный трибунал. Это был первый случай, когда произошло что-либо подобное. Я подвел черту под происшествием. Впрочем, было бы неприятно предать Узу, героя Советского Союза, суду. Я никому не сказал, что от обоих пахло водкой. Ограничился арестом.

20. ноября 1944

Вечер. В трофейной палатке отдыхают люди в униформе. У политработников всегда много дел, бой ли это или перерыв между боями. Когда мы возвращаемся с задания, надо сделать еще много работы. В палатке тепло, даже жарко. Ярко горит свет. Аккумулятор только что зарядили. Нас лежит

восемь человек в палатке. („Het Wigwam van Buffalo en zijne Strijmakers“ (название палатки) принадлежала раньше голландским скаутам и была реквизирована вермахтом. В Латвии ее захватила Красная Армия и передала в распоряжение нашего отдела. Она большая, круглая, из белого палаточного материала.)

Мы слушаем музыку. Портативный граммофон латышский, его мотор советский, звукосниматель английский, пластинка немецкая и Розита Серрано, известная чилийская певица, поет французскую песню. Слушатели – пять русских, один татарин, один китаец и один житель Люксембурга. Итак, у нас подлинный интернационал. Все это происходит в 60 километрах западнее Риги. Все устали, но музыку любит каждый, даже на фронте.

Наши готовятся сейчас к новому наступлению. Поэтому нам не нужно сегодня пробираться к переднему краю, чтобы слышать разрывы гранат и свист пуль.

Ужин закончен. Мы слушаем Вагнера: увертюру к опере «Тангейзер». Чувствуем себя хорошо. Мы говорим обо всем и не о чем. Поль рассказывает о вкусных блюдах и особенно о лягушках, которые считаются в Западной Европе деликатесами. «Дома запрещена охота на лягушек», говорит он, «по простой причине, потому что лягушки полезные животные». Но, кажется, Поль сам частенько ходил на запрещенную лягушачью охоту. Мешок на плече, хватаешь лягушку, быстро бьешь о каблук и бросаешь в мешок. Если пришел домой с добычей, с лягушек снимают кожу и разделяют. Используют только бедрышки, их жарят в масле. Это великолепное блюдо подают только в лучших ресторанах. Гулин, кучер, не верит этому. Плевать он хотел на такие деликатесы. Это не подходит для русской глотки. Лучше уж он съест собачье мясо.

Я рассказываю Полю историю о деде Щукаре Шолохова и о вустрицах, как он называл лягушек. Поль размышляет, не стоит ли после войны заняться концессией по отлову лягушек в России ввиду большой коммерческой выгоды. Никто не разделяет любовь Поля к лягушачьим бедрышкам кроме татарина Усмана Гайфуллина. Усман мечтает о наваристом супе из лягушек. Поль испытывает облегчение, найдя союзника. Но потом Усман продолжает и рассказывает о том, как вкусны жареные пивяки. Этому не верит даже Поль. Присутствующие тем временем один за другим ложатся спать, не дожидаясь окончания дискуссии между Полем и Усманом.

Стало холодно. Погода день ото дня ухудшается. Дождь идет почти непрерывно. В палатке все спят. Только я и Поль еще пишат. И Гулин, кучер, курит. Ему никогда не хватает его табачного пайка и он все время занимает у Поля, который не полностью использует свою порцию. Поль уже скопил немного табака. Он хочет взять его с собой в Люксембург, когда в будущем вернется туда. Гулин снова хочет взять у Поля немного Табака и объясняет ему, что это самое верное средство, чтобы Поль и дома вспоминал о нем, Гулине. Поль отвечает с драматической интонацией: «Я возьму твой адрес домой и буду, как обычно, снабжать тебя табаком. В Люксембурге его много.»

15 декабря 1944

Пару дней назад ко мне приходил начальник политотдела и попросил меня перевести на французский предложение: Да здравствует Красная Армия и ее победы над врагом. Я сказал, что не владею французским, знаю только отдельные слова. Начальник попросил Поля о помощи. Тот мигом написал предложение по-французски и передал его подполковнику Струнину. Потом он пришел веселый ко мне и гордо доложил, что он выполнил приказ начальника, и его за это похвалили.

Вскоре дочь начальника прислала ответное письмо. Выяснилось, что она ходит в пятый класс и знает по-французски одно единственное предложение. К сожалению, это было не то предложение, которое стояло в письме папы. Итак, она просит папу перевести ей это предложение на русский, так как мама тоже не знает французского, а она постеснялась спросить у учительницы. Поль и я нашли эту историю весьма забавной.

21 декабря 1944

По земле ползет сороконожка. Я вспомнил недавний разговор о лягушках и спросил Поля: «Посмотри-ка, этих животных у вас тоже едят?» «Нет, их нет в нашем меню», ответил Поль высокомерно. Постепенно Поль вживается в наш коллектив. Всем моим товарищам он нравится как человек, как полноценный член нашего подразделения и как товарищ. Всем, кроме Узу. Этот русский китаец никак не может забыть бой у станции Анна, за который он заслужил звание Героя Советского Союза. Он не мог простить Полю, что тот носил немецкую униформу (Поль перешел к нам у станции Анна). Я объяснял ему, что Поль тоже герой, потому что он перешел к нам из немецкой армии и потому что помогает нам в нашей борьбе.

22 декабря 1944

Вчера было прекрасно работать на фронте, наслаждение. Мы взяли сани, погрузили туда громкоговорительную установку, Гулин погнал нашу гнедую лошадь окриками, и мы поехали. Мы были в хорошем настроении. Песня звучала сама по себе. Кто же не любит петь, даже на фронте. Было относительно спокойно, погода прекрасная, под полозьями скрипел снег. Луна круглая, как шар: полнолуние. В хорошем настроении мы преодолели путь до фронта, залезли в блиндаж, подготовили установку к работе, включили преобразователь (преобразователем была динамо-машина, которую приводил в движение 12-вольтный аккумулятор, и которая вырабатывала переменный ток в 220 вольт, необходимый для работы громкоговорительной установки.) и завели граммофон. Сначала передавали музыку. Потом включили микрофон. Передача проходила спокойно. Фрицы

стреляли из гранатомета, но не причинили вреда. В перерывах мы каждый раз заводили граммофон.

Потом Поль показал свой актерский талант и копировал Гитлера удивительно точно. Он снял меховую шапку, достал из сумки пробку, опалил ее в пламени керосиновой лампы, изготовленной из гранатной гильзы, нарисовал себе усики, представление началось. В батальонном блиндаже находились славяне всех мастей. Они смотрели и изумлялись этому настоящему Гитлеру.

Однажды мы были в блиндаже командира батальона. Поль давал как раз свое представление, когда открылась дверь. Солдат, который как раз хотел войти, застыл от ужаса, когда он увидел перед собой живого Гитлера.

Дорога назад через шоссе была очень приятной. После сделанной работы хорошо растянуться в санях и петь.

2 февраля 1945

Сегодня вечером мы у разведчиков на фронте. На этом участке мы уже пару раз делали передачи. Сегодня мы здесь и ждем пленных. Разведчики уже пытались в разных местах взять пленных, но напрасно. Сегодня они снова хотят это сделать. Мы ждем начала акции вместе с полковником Антоновым, начальником штаба дивизии. У нас нет точной информации о намерениях немцев. Разведчики должны взять пленных и доставить их сюда, чтобы мы могли допросить их. В углу сидит Поль. Антонов попросил меня, взять его с собой, чтобы мы могли сразу здесь провести допрос. Разведчики выпили 100 г водки и уходят на передний край напротив немецких позиций. Мы ждем. Ничего не поделаешь. К нашему сожалению сегодня снова не получилось взять языков.

6 февраля 1945

Теперь мы можем немного вздохнуть. Сегодня утром разведчики 1242-го батальона провели замечательную операцию. Они взяли четверых пленных. Все четверо будут давать показания. Разведчики рано утром заняли позицию на удалении 100-200 м от немецкой линии. Для этой операции требовались добровольцы. Вызвалось больше, чем требовалось. Они предварительно готовились к этой операции в тылу. На месте операции наблюдение за вражескими позициями велось день и ночь. Среди солдат ходил лозунг. Без фрица мы не вернемся. Так все и вышло. Все происходило по плану. Три минуты орудийного огня, и вот уже наши разведчики в немецких окопах. Через пять минут они взяли двух языков. Через минуту еще двух. Итак, у нас два целых и два раненых фрица. Великолепно проведенная операция. Наши потери недостойны упоминания. Мы узнали, что солдатам на переднем крае сообщили, что в ночь на 7 февраля они будут передислоцированы на другой участок. Может быть, их даже отправят в Германию. Это самый большой успех, который был у нашей дивизии в подобного рода операциях.

Все члены разведгруппы были в хорошем настроении. Они не только получают ордена, но и смогут поехать в отпуск на родину. За захват языков, которые дали важные показания, предусмотрены высокие награды. Но самое большое вознаграждение для солдата – это отпуск на родину.

Мы допросили фрицев прямо в батальоне. По телефону потребовали доставить их в вышестоящую инстанцию – штаб армии. Двое были сразу отправлены на машине в штаб. Раненые пошли на перевязочный пункт. Завтра я поеду туда допросить их. Во время нашей вчерашней передачи мы в первый раз услышали пропагандистскую передачу противника. С немецких позиций говорила по-русски женщина. Она несла чепуху о будущей победе немцев и закончила словами: «У нас много водки, приходите к нам.» Разведчики, Поля и я смеялись до упаду. Я предложил командиру кинуть фрицам парочку гранат. Они так и сделали, и голос затих. Мы передавали для немцев музыку, затем новости о положении на отдельных участках фронта и обрисовали ситуацию в Германии. Я попросил Поля вести так передачу, как будто она идет из сердца.

7 февраля 1945

Только что мы с Полем ездили на перевязочный пункт, где допросили одного из фрицев. Это был раненый в ногу. Узнали много интересной информации. Выяснилось, что дивизия, которая находилась напротив наших позиций, должна быть отсюда выведена и перегруппирована в 14 километрах от Либау. Оттуда они должны прорываться в Восточную Пруссию. Если это не получится, их погрузят на корабли и доставят в Германию. Последнее решение наиболее вероятно, считал пленный. О положении на отдельных участках фронта он не был информирован. Слышал только от товарищей о нашем прорыве на юге. Он предположил, что теперь, когда он «спел сою песенку», будет расстрелян. Вместо этого его положили на операционный стол. Из Германии он уже давно не получал почту.

9 февраля 1945

Мой седьмой дневник закончен. Когда я сделаю свои последние записи на фронте? Позавчера пришли четверо латышских военнопленных. Они были из 19-ой латышской дивизии СС. Недавно они прибыли из Германии, их перевели в Курляндию на смену немецким частям, отправленным в Германию.

Вчера я поехал со своей оперативной группой на фронт. Еще февраль, но погода весенняя. К фронту дорога была сносная, а обратный путь был утомительным. Возникает такое хорошее чувство, когда приезжаешь к солдатам на фронт и радуешь их своими концертами. Они наслаждаются музыкой и номером Поля.

Теперь Маршалл Говоров командует нашим фронтом. Посмотрим, что он сделает, чтобы разбить фрицев в Курляндии.

Война идет к концу, и скоро мы сможем решать мирные задачи. Мы застряли здесь чересчур надолго.

16 февраля 1945

Сегодня я получил почту, в том числе и одно очень дорогое мне письмо от мамы, датированное 16 января. Она пишет мне следующие стихи:

Стремиться все выше!

Выше голову, не сдавайся.

Все уладится в жизни,

Пока не растерял мужество.

Сколько времени мы еще будем сражаться? Я знаю, что это не должно долго длиться. И все же – сколько? Когда я снова увижу моих дорогих: маму и сестру Наташу?

Когда мой бывший командир Георгий Немков прислал мне эти выдержки из дневников, он закончил словами:

Дорогой друг Польш!

К сожалению, на этом заканчиваются мои записи. Я отыскал места, где идет речь о тебе. Но это еще не все. Когда я был в санатории, с удовольствием перечитывал дневники. При этом я вспоминал многое, что не записал. В моей голове возникали картины тех шести месяцев нашей общей работы на фронте и нашей жизни в Латвии во время войны.

Я не помню, почему я перестал писать дневник. Оставались все-таки еще три месяца до конца войны. Я практически ничего не добавил к своим записям и почти ничего не изменил. Каждое слово – правда.

Это часть нашей молодости и нашей честной работы на фронте.

Георгий Немков

27.03.1993

В июле я получил новое обмундирование, политотдел обеспечил меня документами, и я был отпущен со словами: Скоро поедешь домой.

Я приехал в Митау в Латвии в огромный лагерь для военнопленных, откуда должен был отправиться на запад. Через месяц весь лагерь погрузили в вагоны для перевозки скота и мы поехали, но не на запад, а в направлении Сибири.

Мы приехали в Тюмень, 500 км за Уралом. Тут я подумал: Польш Николаевич, все пропало. Россия велика, до царя далеко.

Нас направили в лагерь. Но сначала мы должны были показать полный стриптиз, при этом у нас изъяли шмотки и документы. Нам выдали поношенную тюремную одежду и вот я уже немецкий военнопленный. Я был абсолютно подавлен. И даже спустя 60 лет иногда возникает это чувство.

Я работал то на аккумуляторной фабрике, то на лесопильном заводе, то на стройке, то в колхозе. Еда была плохая. Но и самим русским не хватало. Слава богу, женщины, которые с нами работали, приносили бедному Павлу, говорящему по-русски, с собой из дома: огурцы, картошку в мундире, черный хлеб, так что я был относительно здоров. Я и сегодня благодарен этим русским женщинам, хотя у них самих было мало еды.

Самое ужасное в лагерной жизни – это давление на психику, неопределенность, отпустят ли тебя и когда. Постепенно гаснет надежда, и душа умирает.

Мой оптимизм помог мне пережить это время без большого психологического ущерба.

Несмотря на все это я не хотел бы отказаться от этого опыта лагерной жизни, потому что без него я не сумел бы правильно оценить понятие свобода.

Мне снова повезло. Спустил три месяца, перед началом зимы формировали перевозку раненых и больных на запад.

Я представился начальнику лагеря, объяснил свою ситуацию, и о, чудо, он понял.

Он сказал, что это досадная ошибка, и что теперь все будет хорошо, и я могу в качестве переводчика поехать с конвоем. Так я в одно мгновение был повышен от военнопленного до официального переводчика. Непостижимые струны русской души, которая самим русским задает загадки.

Никогда больше в моей жизни не падал с сердца такой тяжелый камень.

Во время поездки разразилась дизентерия, и каждый день умирало полдюжины людей, которые так надеялись на возвращение на родину. Так как поезд не останавливался, то погребение было быстрым. Тела просто выбрасывали из едущего поезда. Надеюсь, сто сострадательные люди их похоронили.

Через неделю мы прибыли во Франкфурт-на-Одере. Незадолго до этого были отправлены вагоны в Люксембург. Вместе с другими жителя Люксембурга, из восточных и северных областей, я еще месяц пробыл в лагере, расположенном в большом здании, я думаю, школе. Я явился к санитарам и получил задание мыть прибывающих пленных.

Грязные мужчины со вздувшимися животами, исхудалые, дряблая и серая кожа висела на скелете, как слишком большой картофельный мешок, плохо зарубцевавшиеся раны, отсутствующие конечности.

Побежденные сверхлюди не выглядели великими немцами и арийцами. Многие умирали еще под душем. В подвале их укладывали штабелями и каждое утро увозили в общие могилы за город.

Наконец нас погрузили в поезд и 7 декабря, проехав через Брюссель, мы прибыли в Люксембург, так сказать, в качестве слегка запоздавшего подарка от Святого Николауса для наших родных.

После своего возвращения Поль работал сначала в банке, учился в Консерватории Люксембурга („Conservatoire de Luxembourg”) французской фонетике у профессора Густава Симона, в 1947 году получил первый приз (Premier Prix en division première), потом поехал в Париж и с успехом

окончил тогдашнюю Академию коммерции для иностранцев („Academie commerciale pour etudiants etrangers“). После этого он работал в ЕКАВЕ в Бергембурге и в ARBED-Düdelingen.

С 1955 до своего ухода на пенсию в 1982 он возглавлял отдел рекламы „Heintz van Landewyck“ в Люксембурге.

Он женат, имеет двух дочерей, Мари-Пауле и Пьеретт, дух зятей Янга и Ала, двух внуков Сэма и Патрика. Его хобби были и остаются: чтение, написание и исполнение текстов, рисование, фотография, столярное дело и пешие прогулки.

С 1965 по 1975 его жена Мэг, его коллеги Франсис Стеффен, Йос Вайриг, Роген Крантц и он сам ездили по стране выступали с написанными ими же скетчами, стихами и песнями. Их творческий коллектив носил имя «Ридо 65».

В настоящее время он живет в Мамере со своей женой Мэг и с Мэк, своим компьютером.

Подписи к фотографиям:

Стр. 9. Это решение о наложении штрафа получил Поль, потому что нарушил дисциплину во время несения государственной службы трудовой повинности.

Стр. 10. 1943: Поль во время своей службы в вермахте.

Стр.11. Разрушенная во время налета улица Менкенбергштрассе, так ее видел Поль в июле 1943

Стр.13. Личный состав бункера Барселона на русском фронте с Подем

Стр.13. График дежурств бункера Барселона

Стр.14. Эти рисунки сделал Поль из Мамера в 1943 на русском фронте во время службы в вермахте.

Стр.16. Капитан Немков в те военные годы.

Стр.17. Политотдел 374-ой пехотной дивизии 1-го Прибалтийского фронта в 1944 году. Русские офицеры политотдела, в котором работал П.Х.(слева направо): капитан Георгий Немков, майор Павел Войлошников, капитан Усман Гайфуллин.

Стр.18. Это письмо было доставлено родителям П.Х. только тогда, когда выяснилось, что он жив. Бургомистр Трауш так долго удерживал письмо, так как не хотел информировать родителей Поля о возможной смерти их единственного сына. Мать Поля могла бы это не пережить.

Стр.31. Георгий Немков, ветеран Красной Армии, награжденный высокими наградами. После войны профессор Геологического института в Москве и ученый, имеющий международное признание. Только в 1992 году Поль вступил с ним снова в контакт. Они много писали друг другу и разговаривали по телефону, но никогда больше не увиделись. После непродолжительной болезни Немков умер 3.3.1994.

Стр.31. Поль после войны в русской униформе политотдела.

Стр.33. Этот регистрационный документ получил Поль после своего возвращения в Люксембург.